ДВА ПОПУГАЯ ДЛЯ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА

Ранним утром в августе 1991 года мне послышался сквозь сон металлический скрежет атакующих танков. В полудреме мелькнула мысль, что приснилась старая бесовщина афганской войны. Но лязг железа не смолк, когда я разлепил веки и пробудился. Грохотало из окон моей квартиры на Кутузовском проспекте. Выглянув наружу, я увидел колонну танков и бронетранспортеров. Они двигались к центру города.

Включил радио и услышал, что в Москве будет введено чрезвычайное положение. Новая высшая власть объявила свое длинное наименование – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Сокращенно – ГКЧП. Его суть состояла тоже из четырех букв – путч.

Примчавшись к «Белому дому», я увидел вокруг него небольшие с утра толпы москвичей. Преобладала молодежь.

Среди собравшихся внутри здания депутатов появились Ельцин, Руцкой и Хасбулатов, руководивший российским Верховным Советом, но еще не избранный его председателем. Общее настроение было решительным – обороняться любыми средствами от ожидаемого нападения путчистов. К вечеру 19 августа «Белый дом» окружали сотни горожан. Они сооружали баррикады из досок, камней, столбов, арматуры. Дальнейшие события описаны уже многократно.

Запомнилась самая тревожная ночь в «Белом доме» с 20 на 21 августа, когда депутатов предупредили о вероятном намерении путчистов штурмовать в те часы парламент. Мы устроили тогда прощальное заседание Верховного Совета в маловместительном зале Палаты национальностей. Там же по горькой иронии судьбы два года спустя наш Верховный Совет доконали новые штурмовики в кровавом октябре 1993 года. А кремлевские путчисты августа 1991 года пощадили нас, но все же напугали многих депутатов настолько, что они исчезли тогда из Москвы или отсиживались робко в своем жилье в столичной гостинице «Россия».

Ночью наступившего 21 августа внутри «Белого дома» сошлись в Палату национальностей лишь 56 из непокорных путчу депутатов Верховного Совета, хотя всего их было 250.

Той ночью в ожидании штурма Ельцин укрылся в подвальном бункере «Белого дома». Туда передали ему из соседнего здания посольства США приглашение американских дипломатов спрятаться у них. Он со-

гласился воспользоваться этим предложением в случае безвыходной для него ситуации.

Главный телохранитель Ельцина и его ближайшей советчик Александр Коржаков уговаривал президента России решиться на политическое убежище в американском посольстве: «В нем можно скрываться долго». Коржаков настойчиво твердил: «Без посторонней помощи погибнем». Все было готово для бегства Ельцина к американцам.

Однако к утру угроза штурма миновала, и Ельцин, осмелев, вышел из подземелья «Белого дома». Через несколько часов путч потерпел крах, и сразу же в «Белом доме» появилось такое множество депутатов-победителей, что им не хватило мест в самом большом зале. Они ликовали, произносили пафосные речи, требовали жестоко покарать участников ГКЧП. Потом гурьбой, толкая друг друга, ринулись вслед за Ельциным на балконную площадку, откуда он поздравил с разгромом путча ревущую восторженно внизу огромную толпу. С ее края постояв недолго, я пошел отсыпаться домой.

Подряд три августовских дня и две ночи я был вместе с защитниками парламента не во славу Ельцина с обступившими его на балконе прилипалами.

Балконные герои «Белого дома» после речи Ельцина жаждали тоже повитийствовать всласть перед московским людом. Но охранники Ельцина допустили к микрофону только удостоенных попасть в особый президентский список. В нем среди первоочередных ораторов не было вице-президента Руцкого, трехсуточного командира обороны «Белого дома». Обиженному вице-президенту пришлось наспех всучить записку адъютантам Ельцина с просьбой выступить, чтобы добиться этого хотя бы пятым, а не вторым.

Затем Ельцин и его соратники отправились пировать с парламентского балкона на их праздничном банкете. Но и туда не позвали Руцкого.

А далее Ельцин со всем своим президентским персоналом переехал из «Белого дома» в Кремль, вытеснив сотрудников Горбачева из дворца возле Спасской башни. Но и там лишили местечка вице-президента. Почти месяц после балконного апофеоза Ельцин вообще уклонялся от встреч с Руцким.

Черная кошка пробежала между ними еще до августовского путча. Ельцину донесли, что преданность ему Руцкого лицемерна. А Руцкому подсунули магнитофонную кассету с потайной записью разговора Ельцина с приятелями. На банно-винной гулянке Ельцин выболтал желание как-либо избавиться от вице-президента и назвал его временщиком.

Руцкому также пересказали слова о нем из другой доверительной беседы Ельцина с его конфидантами во время крушения августовского путча: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Попавшего в опалу вице-президента, отлучив от Ельцина в Кремле, оставили одиноко терзаться в парламентском «Белом доме».

Мой депутатский кабинет находился поблизости от апартаментов Руцкого, и однажды мы повстречались. Он поздоровался со мной столь обходительно и заговорил так дружески, словно мы никогда не конфликтовали. У него природный талант перевоплощаться. Да еще есть, если он не грубит, бесспорное обаяние. Он по-мужски красив. Офицерски галантен. Одет как денди. Искусно умеет быть не приторно приятным собеседником.

А я податлив, когда со мной любезны, и потому очутился в тот день в кабинете Руцкого, внимая его откровениям о размолвке с Ельциным. Потом он сменил тему:

- Должен признать ,что раньше ты был, Иона, прав, а я ошибался.

- В чем? – спросил я, не придираясь к его привычке «тыкать».

- Ты оказался прав в нашем споре о военнопленных. Давай взаимодействовать опять?

- Тогда потребуется возобновить контакты с моджахедами.

- Возобновим. С чего предлагаешь начать?

- Согласитесь принять как вице-президент России нового пакистанского посла Ашрафа Кази. Он в прошлом помогал моим переговорам с моджахедами. Он способен снова помочь.

- Пригласи его ко мне.

- Отлично!

Посол Пакистана пришел в «Белый дом» к Руцкому вместе с военным атташе, который несомненно был представителем пакистанской всесильной разведслужбы ИСИ. Обоим польстило оказанное им гостеприимство у вице-президента России. Они обещали способствовать его инициативе обсудить вновь с моджахедами проблему военнопленных. Подготовку этого Руцкой возложил на меня. И предложил стать официальным советником вице-президента по международным связям. Моя новая должность была бесплатной, так как я получал зарплату депутата.

Почему Руцкой вдруг вспомнил о военнопленных и обратился ко мне? Правдивый ответ я, понятно, знал, но из-за этого не мог брезгливо пренебречь готовностью вице-президента возобновить спасение наших солдат из плена. Выручить их мне, депутату, было не под силу самостоятельно.

Достичь государственного соглашения с правительством моджахедов мог только полномочный руководитель исполнительных властей моей страны. А им фактически стал, подмяв Горбачева, победоносный Ельцин. Он передоверил маловажные ему афганские дела Руцкому. Лишь на него оставалось уповать.

Между тем вслед за путчем испарились осенью 1991 года почти все былые помехи московским переговорам с моджахедами. Недавний хозяин Лубянки и опекун кабульского Наджибуллы оказался среди узников центральной тюрьмы КГБ. Его наследник Вадим Бакатин принял меня и

пообещал подключиться к освобождению военнопленных, хотя был поглощен иным занятием – громил оголтело всю систему госбезопасности.

В небоскребе МИД СССР я обнаружил тоже большие перемены: новый министр Борис Панкин взялся сам обеспечить приезд в Москву делегации моджахедов, устроить им торжественную встречу и поселить их со всеми сверхудобствами в привилегированной спецгостинице министерства.

Такая услужливость показалась мне уж слишком чрезмерной. Поощрять нахрапистых моджахедов нужно было бы очень дозированно, чтобы они не обнаглели. Но это было неведомо министру-новичку Панкину.

Кадровый партноменклатурщик и свежеиспеченный «демократ» Борис Панкин поспешил усладить покровителей моджахедов в Соединенных Штатах. Панкин пригласил в Москву государственного секретаря США Джеймса Бэйкера и вместе с ним огласил 13 сентября «Совместное советско-амерканское заявление по Афганистану» – новое соглашение, в котором не было ни единого слова о наших военнопленных! Игнорируя их, Москва договорилась с Вашингтоном взаимно прекратить поставки оружия враждующим афганцам с 1 января 1992 года.

Однако не предусматривалось никакого противодействия отлаженной контрабанде американского оружия через Пакистан для моджахедов. Им подарили тем самым безвозмездно как раз то, чего они добивались ранее в обмен на освобождение советских пленников. Еще до приезда делегации моджахедов в Москву мы лишились единственного способа заставить их отдать наших солдат.

Непричастное к сделке Панкина и Бэйкера правительство Пакистана отказалось пресечь переправку оружия моджахедам. Временное правительство моджахедов объявило, что не приняло никаких обязательств способствовать несогласованному с ним двухстороннему соглашению СССР и США. Все это вынудило меня попытаться 20 сентября растревожить российский Верховный Совет:

- Кремлевская дипломатия опять предала наших военнопленных в Афганистане!

В зале заседаний Верховного Совета я роздал депутатам листки обращения к ним 23-х родственников военнопленных:

«Мы, матери и отцы потерянных в Афганистане наших детей, глубоко возмущены молчанием об их судьбе в опубликованном 13 сентября «Совместном советско-американском заявлении по Афганистану». Мы категорически не согласны с тем, что прекращение военных поставок СССР в Кабул не обусловлено освобождением из плена наших детей.

Наших сыновей предали уже трижды. Восемь лет молчали о них на протяжении афганской войны. Потом забыли о них при выводе советских войск из Афганистана и подписании об этом Женевских соглашений. Теперь их предала наша собственная власть в совестко-

американском соглашении. А мы обращаемся к вам, депутаты России: как еще долго вы будете равнодушно терпеть наш национальный позор?

Если и сейчас вы постыдно проявите равнодушие и бессердечность, то мы, доведенные в своем горе до отчаяния, объявим 25 сентября голодовку у стен «Белого дома».

В тот же день Верховный Совет, стремясь успокоить семьи военнопленных, издал директивное постановление для руководства советской дипломатии – «экстренно возобновить в Афганистане и Пакистане подготовку переговоров об освобождении советских военнослужащих».

Но пагубный экспромт министра Панкина не был исправлен. Ибо в ту пору его сановные коллеги безнаказанно вредили не только в афганских делах. Капитулянты горбачевской закваски уже обещали японцам отдать острова Южных Курил, презентовали американцам нефтеносный шельф Берингова моря, позволили чужакам захватить несметное советское имущество от Прибалтики до Германии. Держава, преданная ее правителями, рухнула спустя три месяца.

Вечером 10 ноября 1991 года я вместе с чиновными дипломатами и толпой журналистов встретил в аэропорту Шереметьево прилетевших моджахедов. Двадцать бородачей в шерстяных бурнусах, широкополых беретах, тюрбанах и барашковых папахах вступили впервые на землю Москвы, которую они многие годы проклинали неистово за кровавую интервенцию.

На лицах гостей и теперь не было вежливо-дипломатических улыбок. Холодно и отстраненно поздоровался со мной прежний пешаварский собеседник – Бурхануддин Раббани, ставший министром иностранных дел в правительстве моджахедов. Их делегацию возглавил он же.

Седобородый Раббани – зачинатель афганского «джихада». С начала 70-х годов он призывал к силовому созданию в Афганистане теократического государства исламистов. Его меченосной опорой стал знаменитый военачальник моджахедов Ахмад Шах Масуд, прозванный «Львом Панджшера» за то, что сделал базой своих боевиков Панджшерское ущелье в горах севернее Кабула.

Масуд и Раббани – афганские таджики. Среди вождей моджахедов Раббани был наиболее опытный политик и мусульманский интеллектуал. Он автор нескольких богословских книг. Воспитанник Каирского университета Раббани за время моего трехлетнего знакомства с ним всегда проявлял цивилизованность, тактичность и незаурядный ум.

Вместе с тем Раббани лично причастен к убийствам советских военнопленных. Об этом я знал от моего друга – полковника Александра Олейника, работавшего в газете «Красная звезда». Ему удалось раздобыть документальные показания очевидцев о малоизвестной гибели узников Раббани близ Пешавара в местечке Бадабера.

*) Примечание. Масуд и Раббани были убиты впоследствии в Афганистане исламскими террористами.

Там есть старинная крепость, которую превратили моджахеды в их перевалочный склад американского оружия. Труд складских грузчиков выполняли рабы – 40 пленных военнослужащих кабульской армии и 12 захваченных наших солдат.

Дюжину «шурави», то есть советских, содержали изолированно в тюремном подвале крепости. Их заковывали по ночам в кандалы. Секли железными прутьями за малейшее неповиновение. Беспощадность избиений была вызвана тем, что все двенадцать пленников отказались принять ислам и мусульманские клички, а потому считались «неисправимыми». Их имена, к сожалению, по сей день не установлены. Сегодня знаем только, что одного из них звали Виктором. Это был предположительно украинец Виктор Васильевич Духовченко.

26 апреля 1985 года в 9 часов вечера, когда моджахеды в крепости скопились на плацу для молитвенного намаза на коленях, советские солдаты по команде Виктора внезапно напали на охранников арсенала, разоружили их, овладели сторожевыми вышками с пулеметами и заняли круговую оборону. Часть пленных бойцов кабульской армии примкнула к восставшим, другие разбежались.

Через два часа целый полк моджахедов во главе с Раббани атаковал бунтовщиков. Но они отразили нападение, угробив полсотни штурмовиков.

Далее Раббани с помощью русскоязычного переводчика предложил по громкоговорителю нашим солдатам немедленно сдаться из-за безнадежности их сопротивления. Они ответили отказом и потребовали доставки к ним представителя советского посольства в Пакистане. И тогда Раббани приказал своим артиллеристам прямой наводкой расстрелять крепость. Внутри нее склад снарядов и цистерны с горючим взорвались в шквале огня. Никто не спасся из дьявольского крематория.

И вот спустя шесть лет на московской улице Алексея Толстого в шикарном доме приемов наиважнейших иностранцев министр Панкин возглавил переговоры с делегацией Раббани, чья волчья хватка под респектабельным обликом была неведома начальнику советского МИДа. Раньше Панкин побывал послом в паре европейских столиц. А теперь живет эмигрантом в полюбившемся ему Стокгольме.

На встрече с моджахедами Панкин выглядел пустозвоном. Загодя подарив им прекращение наших военных поставок Наджибулле, министр утратил рычаг давления на Раббани, но тем не менее стал навязывать ему свой проект «межафганского диалога» моджахедов с Наджибуллой и примирения заклятых врагов в будущем «коалиционном правительстве».

Вдобавок мечтатель Панкин потребовал от моджахедов «повсеместного и полного прекращения огня», что означало их отречение от «джихада». Слушая это глупое фанфаронство, Раббани презрительно скривил губы.

Ледяным тоном Раббани заявил, что приехал сюда отнюдь не ради братания с «московской марионеткой Наджибуллой» и похорон «джихада». Если этого здесь не понимают, сказал Раббани, то он готов прервать переговоры и увезти делегацию.

Раббани рекомендовал Кремлю трезво оценить ситуацию в Афганистане, смириться с политической смертью Наджибуллы без его оружейной подпитки и потому официально признать правительство моджахедов. В обмен Раббани посулил «гуманный жест доброй воли» – освобождение советских военнопленных.

В унисон с Раббани другие вожаки моджахедов раздраженно развеяли афганские грезы Панкина. Он хмуро дотерпел до обеденного перерыва, затем покинул переговоры и больше на них не появлялся. Заодно с ним улетучился насовсем из нашей делегации молодой министр российского МИДа Андрей Козырев. Он, уходя, попросил меня поспособствовать как-нибудь компромиссу с моджахедами.

Наедине с Раббани я ублажил его вестью о самоустранении Панкина и урезонил не грозить срывом переговоров. Хитрюга Раббани верно предугадал, что я постараюсь в отсутствии растерявшихся министров сориентировать переговоры на обсуждение проблемы военнопленных, а это позволит моджахедам политически поспекулировать их людским товаром. Но при такой игре Раббани нуждался в моем посредничестве, а я мог мягко подталкивать его к уступкам на переговорах. Мы понимали друг друга без излишних слов.

Однако переговоры, спланированные Панкиным на два дня, растянулись на пять и буксовали ежедневно. Торможение провоцировал заменивший Панкина его министерский заместитель Александр Белоногов, бывший постпред СССР при ООН в Нью-Йорке. Он безуспешно и тем не менее упрямо повторял моджахедам ультиматум Панкина: они якобы должны сформировать с Наджибуллой «коалиционное правительство» и отменить свой «джихад». Этот блеф отвергал Раббани с каждым разом все резче и злее.

Пытаясь замять бесполезную перепалку, я побуждал моджахедов взять осуществимое реально обязательство – вернуть нам военнопленных. Но Белоногов не унимался, мешая мне, как и прежде в Нью-Йорке, подготовить выручку наших солдат.

На четвертый день споров Белоногов от имени МИД СССР дал инструктивное интервью «Известиям», которые разгласили его замысел концовки переговоров:

«Не исключено, что после переговоров делегации решат просто разъехаться. В некоторых ключевых вопросах позиции сторон достаточно далеки друг от друга».

В тот же четвертый день дебатов Раббани поздним вечером нокаутировал Белоногова, объявив:

- Советская дипломатия завели переговоры в тупик. Поэтому сейчас наша делегация испробует последний шанс достичь приемлемого соглашения. Прошу уйти из этого помещения всех советских представителей за исключением Андронова. Мы с ним обсудим проект итогового заявления обеих делегаций. Те, кто против, будут виновны в продолжении Москвой ее преступной политики в Афганистане и нежелании ускорить освобождение советских военнопленных.

Неожиданная выходка Раббани смутила меня и привела в состояние шока нашу делегацию. Непривычные к таким оплеухам московские дипломаты подчинились безропотно, будто зомби, свирепому афганцу. Возмущенный Белоногов лишь огрызнулся мелкой пакостью мне на следующий день, подсказав «Известиям» мстительную инсинуацию:

«Участвующий в беседах с моджахедами член Комитета по международным делам Верховного Совета РСФСР И.Андронов держится несколько «особняком», пытаясь иногда противопоставить позиции России и Союза. В четверг вечером он по просьбе афганской делегации оставался с ней для продолжения разговора.».

Тот разговор, ночной и нелегкий, завершился тем, что моджахеды со мной составили заключительное коммюнике из фрагментов его четырех предшествующих вариантов, которые исключали друг друга из-за конфронтации Раббани с Панкиным и Белоноговым. Компромиссный текст содержал два главных параграфа. Первостепенный для меня был таков:

«Стороны согласились сделать все возможное для освобождения военнопленных. Моджахеды, исходя из стремления к миру, примут меры по освобождению первой группы советских военнопленных до 1 января 1992 года».

За это пришлось расплатиться вот чем:

«Стороны подтвердили необходимость передачи всей полноты государственной власти в Афганистане переходному исламскому правительству».

Термин «исламское правительство» устроил моджахедов, но таил в себе, по-моему, подвох. Кабульский коммунист Наджибулла своевременно уже клялся на Коране в преданности исламу и демонстративно молился в мечетях. Посему грядущее «исламское правительство» могло бы не быть равнозначным безоговорочно «правительству моджахедов». Против этого не возражал впоследствии даже Белоногов. И не высказал никаких придирок сам Наджибулла. Их мнение, впрочем, меня не очень тревожило. Совместное заявление посланцев моджахедов и советской делегации было окончательно утверждено 15 ноября.

Делегация Раббани встретилась с вице-президентом Руцким. Он больше не подыгрывал Наджибулле. Наоборот, Руцкой обещал моджахедам прекратить доставку в Кабул мощных советских ракет «земля-земля» Р-300 на полтора месяца раньше новогоднего начала эмбарго Панкина на вооружение Наджибуллы.

Вице-президент, герой афганской войны, общаясь с ветеранами «джихада», радушно улыбался, рассказывал о своем почтении к исламу и даже говорил, что испытывает душевное чувство вины за собственное боевое прошлое в их стране.

Подобревший Раббани преподнес Руцкому ковер, книгу Корана, корзину с фруктами и предложил нанести ответный визит вождям моджахедов.

Это приглашение совпало с желанием Руцкого персонально получить у моджахедов предназначенных к освобождению советских солдат. Отправиться за ними Руцкой задумал в сопровождении московских телевизионщиков и газетчиков. Прессе предстояло увенчать Руцкого лаврами спасителя мучеников афганского плена.

17 декабря Руцкой, его помощники, секретари, референты, телохранители улетели с журналистами в южные края на правительственном авиалайнере Ту-154.

До этого за десять дней с ведома Руцкого я в одиночку отправился в Пакистан к лидерам моджахедов проверить негласно их готовность подобающе принять российского вице-президента. Вопреки его предотъездному оптимизму меня терзали сомнения в успешном исходе путешествия моего патрона.

Во-первых, я, зная подноготную Раббани, не верил в его искренность. Хотя он обязался в Москве отпустить вскоре на волю нескольких наших солдат, тем не менее у него сорвался основной замысел – вынудить Кремль дипломатически признать правительство моджахедов. Они, стало быть, вполне могли, как заведено на Востоке, продолжать с Руцким их незаконченный торг наперекор его радужным ожиданиям.

Еще сильнее беспокоил меня претендент на первенство в «джихаде» экстремист Хекматьяр. Этот главарь ударных отрядов мусульманских боевиков отказался посетить Москву вместе с Раббани и ратовал за скорейший штурм Кабула. Хекматьяр публично осудил Раббани за уступчивость на московских переговорах. Неугомонный вояка был способен учинить громкий скандал к приезду Руцкого. Урон оказался бы очень велик, так как Хекматьяр владел многими советскими пленниками.

Третья мина замедленного действия обнаружилась перед моим отлетом. Российский министр иностранных дел Андрей Козырев дважды проигнорировал мою просьбу согласовать с ним организацию встреч вице-президента Руцкого с моджахедами. Козырев уклонился даже от телефонного разговора со мной. Министр, подчиненный непосредственно Ельцину, копировал, очевидно, отношение президента к действиям Руцкого. Меня угораздило опять затесаться в драчку между сильными мира сего.

Двумя неделями ранее Руцкой посетил промышленные города Сибири. Там он увидел замершие цехи крупных оружейных заводов. Их директора и рабочие жаловались на безденежье, обнищание, безразличие

центральных властей. Руцкой поддержал массовую критику столичного правительства во главе с Ельциным и вице-премьером Егором Гайдаром, обозвав московских министров «мальчиками в розовых штанишках».

Более того, Руцкой гневно отмежевался от экономической политики Ельцина. А тот после этого перестал здороваться со своим вице-президентом. Ельцинисты в прессе заклеймили «сибирский дебош военного летчика». Государственный секретарь Геннадий Бурбулис, фаворит Ельцина и распределитель министерских постов, уязвил Руцкого издевательской кличкой – «голенище с усами».

В разгар новой кремлевской склоки я улетел в Исламабад с мрачным предчувствием плохого возвращения домой. Но отступать было поздно. Объединившись с Руцким, пришлось ввязаться в его политический пилотаж лобовых атак и яростных перестрелок. Хотелось надеяться, что Ельцин вдруг хоть раз промахнется.

Обезопасить Руцкого в Исламабаде от неприятных сюрпризов со стороны Хекматьяра или Раббани мог наверняка лишь один влиятельный пакистанец – директор разведслужбы ИСИ генерал Дуррани. Он согласился повидаться со мной и по этому поводу даже устроил в его резиденции для гостя вечерний обед при свечах.

Генерал в беседе со мной интересовался свежими новостями московской жизни. И удивил своей осведомленностью: он с желчной ухмылкой как бы вскользь промолвил, что слышал недавно о разногласиях Ельцина и Руцкого. Это прозвучало как тревожный сигнал. Дуррани был известен своим разящим жалом. Он приложил руку к свержению премьер-министра Беназир Бхутто.

Тем не менее мы с ним вроде бы поладили. Шеф спецслужбы взялся сам условиться с Раббани встретить Руцкого по-хорошему. Однако предложил мне договориться лично о том же с упрямцем Хекматьяром. Он находился тогда вдали от Исламабада в своем фронтовом штабе на южной границе Афганистана. Туда, как сказал Дуррани, меня сможет доставить вертолет пакистанской разведки.

Миниатюрный геликоптер американского производства со стеклянной капсулой-кабинкой вмещал только пилота и одного пассажира. Зато малышка оказалась быстроходной. За полтора часа она долетела до пустынного плоскогорья в окрестностях города Парачинар рядом с афганской границей.

Поблизости был сбит в воздушном бою и пленен три года назад полковник Александр Руцкой. Его захватили боевики Хекматьяра. А у них спустя пол суток забрали пленника пакистанские офицеры ИСИ.

Пакистанский плен Руцкого был недолгим – всего лишь одну неделю. Но ее история запутана сумбурно самим подбитым пилотом. Он сразу же после освобождения в августе 1988 года назвал «ложью» и «недоказуемыми ухищрениями» заявления пакистанцев о том, что они подстрелили его самолет над территорией их страны. Однако впоследствии Руц-

кой заново уточнил место своего падения с небес: «Я находился на пакистанской территории в 15-20 километрах от границы Афганистана».

В Москве освобожденный полковник сперва рассказывал журналистам про «пытки, побои» у пакистанцев. А позже поведал, что они ни разу его не ударили и врачевали его раны, за что он их благодарил.

Но превыше всего вице-президент Руцкой возблагодарил «чудо», предотвратившее в Пакистане его самоубийство:

«Предо мной в первых проблесках лучей восходящего солнца появилась Матерь Божья в белом, как снег, одеянии и нежным, но строгим голосом, идущим из-за горизонта, воспретила совершить над собой это деяние».

В тех же чудотворных местах на горном плато меня поджидали вместо ангельских видений земные воины аллаха – десяток моджахедов с автоматами Калашникова. У них было два джипа и пикап. Моя пересадка с геликоптера на автотранспорт заняла пять минут.

Машины проскочили плоскогорье и начали медленно взбираться вверх между гигантских скал по узкой дорожке в извилистом ущелье. Его длинное жерло охраняли три дозора боевиков и перегородки колючей проволоки.

Ущелье поднималось все выше к расщелине в гребне хребта. Там был дорожный перевал, а за ним внизу – Афганистан. К перевалу примыкала на горном уступе большая площадка. На ней я увидел знакомую отечественную бронетехнику - дюжину танков и БТР. Впритык к ним стоял деревянный коттедж. Туда повели меня на свидание с Хекматьяром.

Разговор с ним сопровождало традиционное чаепитие. В комнате без мебели мы сидели на ковре, скрестив ноги и подсунув под себя подушки. Как принято здесь, я был без башмаков и церемониально начал с вопросов о здоровье хозяина, его четырех детей и всей семьи. Сразу говорить о деле тут невежливо. Это ведь не Америка. Хекматьяр, кстати, ненавидит американцев наравне с русскими.

Но со мной он держался приветливо неспроста: среди редких иностранных посетителей его прифронтового форпоста я был единственным депутатом парламента России. Такое явно льстило его эгоцентричному самомнению.

После чая он предложил мне немного прогуляться, что имело тоже особый умысел. Хекматьяр повел гостя поглазеть на свои трофеи – танки и бронетранспортеры. Он хвалился:

- У меня много вашего оружия. Есть также пушки, минометы, зенитки, тяжелогрузные вездеходы.

- Захватили их или купили?

- Отобрали у трусливого воинства Наджибуллы.

Потом он подвел меня к западному спуску с перевала, откуда открывался сверху панорамный вид на белоснежные шапки гор Афганистана. Меж них желтела долина. Посреди нее я увидел буроканенную крепость с

башнями и оборонными стенами. Сердце затрепетало от рывка моей памяти на десять лет назад. Сдерживая волнение, я спросил Хекматьяра:

- Там внизу древняя крепость?

- Да это крепость Джаджи, - ответил он. – В ней раньше базировался пограничный полк кабульских войск. Мы их разгромили и вышвырнули из всей округи. Теперь в крепости мой гарнизон. Хотите съездим туда?

- Нет. Я плохо переношу в горах резкие спуски и подъемы.

Пришлось соврать, утаив от него, что я был в Джаджи с его врагами в 1981 году и не хочу возвращаться к месту гибели моего друга – лейтенанта Виктора Лосева, захваченного и разрубленного на куски боевиками Хекматьяра.

Палач вернулся со мной в коттедж и пригласил подкрепиться вместе с ним шашлыком и рисом. Совместная трапеза была жестом необычного уважения к русскому безбожнику. Пришло время напомнить деликатно Хекматьяру предписания Корана о милосердии к поверженным иноверцам – пленным нашим солдатам. И поговорить о приезде Руцкого. Разговор затянулся надолго.

Под конец Хекматьяр согласился присутствовать в Исламабаде на встрече Руцкого с вождями моджахедов и не препятствовать освобождению поначалу нескольких советских военнопленных. Неординарная покладистость Хекматьяра вряд ли была моей заслугой. До меня на него, вероятно, воздействовал гораздо эффективней генерал Дуррани.

Под вечер геликоптер генерала перебросил меня обратно в Исламабад. Там я согласовывал детально прибытие вице-президента России с дипломатами пакистанского МИДа и советского посольства. А затем улетел в иранскую столицу Тегеран, где планировал Руцкой сделать первую остановку в его облете соседей Афганистана.

Было известно, что на ирано-афганской границе моджахеды держат в плену шестерых советских солдат. О них упоминали на московских переговорах с вожаками «джихада». В их делегации был мулла Сейед Мортазави, военачальник боевиков, которые совершали из Ирана свои набеги на сопредельные районы Афганистана. Воинственный мулла встречался с Руцким, обсуждал с ним проблему освобождения военнопленных и улетел из Москвы в Тегеран.

Приезд в столицу Ирана вице-президента России и свиты из 30 спутников именовался дипломатически непритязательно «рабочим визитом». Тем не менее тегеранские власти захотели показать свою благожелательность к новым обитателям московского Кремля и потому воздали Руцкому максимальные почести.

Утром 18 декабря всех гостей повезли к местной святыне – храмовой гробнице имама Хомейни. А потом Руцкого приняли поочередно президент страны, вице-президент, министры иностранных дел, экономики и

финансов. Иранцы стремились упрочить политические и коммерческие связи с Москвой.

Аудиенция во дворце иранского президента Хашеми-Рафсанджани памятна мне особо. Персидский владыка в чалме и халате, сидя в кресле напротив Руцкого, меня, советского посла и переводчика, обменивался с нами витиеватыми приветствиями, когда закрытая дверь зала неожиданно растворилась и вошел сюда еще один русский с большим ружьем. Он прислонил ружье к стене и молча уселся рядом на стуле.

Руцкой заговорил с Хашеми-Рафсанджани о расширении сотрудничества с иранцами на Каспийском море, но президент слушал вполуха и не спускал глаз с ружья и его владельца. А тот выглядел грозно: суровое лицо, стальной взгляд, мускулистая фигура. Это был телохранитель Руцкого офицер госбезопасности Владимир Тараненко. Хорошо еще, что в Иране малоизвестен театральный афоризм Антона Чехова насчет ружья, которое после появления обязательно выстрелит.

Руцкой все же сообразил в чем дело, взял ружье и вручил его встревоженному персу:

- Это вам охотничий подарок, сделанный оружейными мастерами русского города Тула.

Президент облегченно улыбнулся, поблагодарил и позвал слугу, который унес опасный сувенир. Разговор закончился благополучно. Собеседники договорились развивать ирано-российские отношения.

Хашеми-Рафсанджани опроверг, однако, все сведения о наличии у моджахедов советских пленников на иранской территории. Но обещал помочь освобождению наших солдат из примыкающих к Ирану регионов Афганистана.

Первый деловой день Руцкого в Тегеране завершился посещением трехэтажного дома, отданного представителям афганских боевиков. Они при поддержке иранцев сформировали свою «Партию исламского единства Афганистана». Ее глава Мохаммад Файяз начал, как обычно, потчевать Руцкого чаем и рутинно закатил длиннющую речь о военных преступлениях «шурави» в его стране, об убийствах мирных мусульман, бомбежках городов и кишлаков, вооружении кабульских наймитов, страданиях изгнанных войной на чужбину сотен тысяч беженцев.

Руцкой прервал многословие Файяза предложением поговорить о московском обязательстве моджахедов начать освобождение военнопленных. Однако настырный афганец продолжал рассержено свой обвинительный монолог. Его обозлила нетерпеливость русского. Между ними возникла мгновенно обоюдная неприязнь.

В долгополой хламиде низкорослый и худенький Файяз с жидкой бороденкой выглядел замухрышкой рядом с холеным и плечистым европейцем в элегантном костюме. Даже запах вспотевшего моджахеда и аромат духов визитера разъединяли собеседников. Случайная несовместимость оказалась фатальной.

- Давайте осуществлять московское решение моджахедов о военнопленных, - сказал Руцкой. – Нотации мне больше не нужны.

- Сначала вам надо покаяться за злодеяния против афганского народа! – взбеленился Файяз.

- Те, кто нарушает данное ими слово, - возмутился Руцкой, - не знают, как видно, что такое мужская честь.

Это было наихудшим оскорблением воинов ислама. Такое унижение они смывают кровью обидчика. Иначе оскорбленный теряет у них свою честь и мужское уважение.

К счастью, мы оказались в иранской столице, где афганские моджахеды не могли подвергнуть кровной мести почетного гостя тегеранского правительства. Но возможность выручить здесь кого-нибудь из наших пленных солдат была теперь почти нулевой. Взбешенный Руцкой уехал из резиденции моджахедов на банкетный ужин с вице-президентом Ирана.

На следующий день Руцкой, потерпев неудачу, собрался улететь в Пакистан. Перед его отлетом иранцы, стараясь загладить вчерашний скандал с моджахедами, привели к нему троих афганцев, которые предложили обсудить условия обмена двух наших солдат на моджахедов под арестом в Кабуле. Менялы отдали Руцкому, доказывая достоверность сделки, два снимка и фотокопии личных документов советских пленников.

Один был 20-летний Саулюс Антонович Вилейкис из литовской деревни Вайджяй. Второй – 18-летний Этибар Тахир-оглы Мемедов из села Сабиркенд в Азербайджане. Их захватили моджахеды на западном участке афгано-советской границы.

Но оба они не заинтересовали Руцкого. Ибо очутились в плену осенью 1991 года, а стало быть, не участвовали в афганской войне. Вице-президент заподозрил, что они дезертиры. Такие были ему не нужны. Из-за них задерживаться он не желал в опостылевшем ему Тегеране.

Снимки и фотокопии документов отверженных солдат остались бесхозными, а потому я их присвоил и сберег. Живы ли сегодня те парни? Где нынче они или их могилы?

Вечером 19 декабря авиалайнер вице-президента России приземлился в Лахоре. И как только сошел с трапа бывший пленник пакистанцев, они на сей раз празднично укутали его пухлыми гирляндами розовых и золотистых цветов. Встреча была пышной и многолюдной.

Следующим утром Руцкого принял премьер-министр Наваз Шариф, уроженец Лахора. Потом московской делегации показывали замечательные дворцы и мечети, построенные в средневековую эпоху Великих Моголов.

Через сутки в Исламабаде гостеприимно чествовали Руцкого президент Пакистана, председатель сената, министры, депутаты парламента, дипломаты. Однако серию светских раутов омрачило оглушительное эхо политического катаклизма далеко отсюда..

«Развал Советского Союза» – такой заголовок рядом с фото Руцкого в Лахоре чернел 21 декабря на первой странице пакистанской газеты «Нэйшн». Ее первостраничные сенсации были сплошь из нашей страны: президент СССР Горбачев обречен на уход в отставку, собравшиеся в Алма-Ате руководители 11 советских республик объявили каждую независимым государством, зарубежные посольства Советского Союза снимают с флагштоков красные стяги с серпом и молотом. Аналогичные новости повторяли в Пакистане другие газеты, радио, телевидение.

К приезду Руцкого в Лахор газета «Нэйшн» напечатала ее местный спецвыпуск с корреспонденцией из Москвы:

«Величайшая по размеру империя 20 века сегодня на грани политического распада и экономического хаоса. В Москве магазины совершенно пусты. Позади голых прилавков продавцы дежурят лишь для того, чтобы получать зарплату. На уличных лотках торгуют тухлой капустой подмосковные огородники. Многие москвичи месяцами лишены мяса. Детям не купишь молока или хотя бы молочного порошка. Стандартный рацион – картошка и хлеб, который периодически исчезает. В эти дни центральная власть в Советском Союзе отсутствует. Горбачев политически безвластен. Ельцин добивается отставки Горбачева. Республики, автономные провинции и государственные предприятия самостийно пытаются выжить. Это, в общем, анархия».

Абзац репортажа из Москвы посвящался Руцкому:

«Вице-президент Александр Руцкой, бывший офицер ВВС, близкий к военным, критикует теперь открыто Ельцина. Между ними крупные разногласия в сферах контролирования цен, положения армии, кризиса экономики. Сейчас оба готовятся к схватке. Она ожидается вскоре и кончится, вероятно, поражением одного из двух».

В Исламабаде 22 декабря столичная газета «Муслим» поместила снимок Руцкого на переговорах с пакистанцами лишь на 10-й странице, а на первой – большой фотопортрет Горбачева и кричащий заголовок «Горбачев отстранен». Телеграмма из Москвы сообщала, что должность президента СССР аннулирована, а сотрудники Горбачева спешно покидают Кремль.

Все пакистанские газеты, сообщая о встрече Руцкого с президентом Гулямом Исхак Ханом, подробно расписали, как их президент благосклонно соизволил объявить о дипломатическом признании Пакистаном нового российского государства. И еще произнес походя лаконичную фразу о своем сочувствии попавшим в афганский плен советским солдатам. Так снисходительно дают грошовую милостыню попрошайке.

Исход пакистанской миссии Рушкого предрешила в Исламабаде засекреченная беседа, о которой тогда ничего не разузнала пресса. Вице-президент России, четверо его помощников, я и советский посол Якунин встретились с высшими генералами сухопутных, морских и воздушных

войск армии Пакистана. С ними был также директор разведслужбы ИСИ генерал Дуррани.

По-армейски прямолинейно пакистанцы сделали Руцкому заявку на приобретение советских танков Т-80, вертолетов-ракетоносцев МИ-24, боевых самолетов СУ-25, СУ-27, МИГ-31 и военных кораблей. Этот запрос был вызван тем, что правительство США обвинило Пакистан в тайной попытке сконструировать свое ядерное оружие и наказало сокращением американских поставок военной техники.

Генералы предложили оплатить наше оружие долларами и необходимыми России товарами и продуктами. Дуррани вручил Руцкому как бы символический подарочный аванс – папку со списками советских военнопленных в Афганистане.

Это досье пакистанской разведки потом осталось у меня. В нем пленники рассортированы по пяти спискам: уцелевшие в неволе у моджахедов, сбежавшие узники, отданные моджахедами в разные годы Международному Красному Кресту, умершие в плену по неуказанным причинам, погибшие во время афганской войны.

Позже выяснилось, что списки Дуррани частично неточны. Среди якобы покойников некоторые оказались живы. Избежали смерти и другие, которых не было вообще в списках генерала. Многие были списочно перечислены только по именам без фамилий или записаны под мусульманскими псевдонимами, а потому их идентификация казалась почти невозможной.

И все же списки содержали немало верной и ценной информации. Они возрождали надежду на реальную помощь пакистанцев спасению наших солдат.

Однако Руцкой не был полномочен без согласия Ельцина удовлетворить оружейный аппетит пакистанского генералитета. Помимо того, вице-президент знал, что Индия, враждуя издавна с Пакистаном, закупает крупномасштабно советские танки, пушки, боевые самолеты, военные корабли и будет обвинять Руцкого за ущерб ее старой дружбе с Москвой. А этим смогут воспользоваться кремлевские противники вице-президента. И потому ему пришлось уклончиво попросить пакистанских генералов отсрочить их заказ на неопределенное время.

Собеседники расстались вежливо, но прохладно. Руцкой разочаровал военную элиту Пакистана, где правительство исторически зависит от верхушки армии. Она же вооружала афганских моджахедов и негласно командовала ими. Генерал Дуррани огорченно предупредил меня о том, что впредь ему будет затруднительно подталкивать моджахедов к возвращению советских пленников.

Полтора дня 21 и 22 декабря Руцкой вел в Исламабаде интенсивные переговоры с вождями моджахедов. Почти все предводители «джихада»

прибыли из Пешавара на встречу с Руцким в здании пакистанского МИДа.

Как бывало раньше, четверо главных вождей – Моджадеди, Хекматьяр, Гейлани, Раббани – перессорились заново друг с другом и потребовали для каждого из них отдельных бесед с российским вице-президентом. Он согласился и порознь уговаривал терпеливо пылких склочников сесть за общий стол переговоров вместе с приехавшими к нему еще пятью атаманами.

Руцкой был удивительно невозмутим и дипломатичен после его тегеранской перебранки три дня назад.

Переговоры с моджахедами 21 декабря затянулись на семь часов. Афганцы торговались, как всегда, отчаянно, добиваясь от Руцкого разрыва всех отношений Москвы с Кабулом. Это он отверг, а в отместку Раббани заявил, что в соответствии с его московскими обещаниями приготовил для Руцкого доставку сюда из Афганистана трех советских солдат, но их прибытие будто бы задержалось на неделю из-за зимних снегопадов в горах.

Моджадеди посулил отдать лишь одного военнопленного перед самым отлетом Руцкого из Пакистана.

Хекматьяр с его обычной змеиной улыбочкой сказал Руцкому, что уже привез с собой русского солдата, но тот якобы отказывается возвращаться домой.

- С ним можно поговорить? – спросил Руцкой.

- Конечно, - сказал Хекматьяр. – Он в соседнем холле.

Там сидел на стуле парень в афганской одежде – блиновидная шапка, шаровары, рубаха навыпуск до колен. Вплотную к нему сзади стояли двое моджахедов. Когда подошли Руцкой и Хекматьяр, то парень взглянул робко, как побитая собачонка, на Хекматьяра и потупился, ссутулился, замер. Так же выглядел два года назад первый увиденный мной у моджахедов наш солдат Андрей Лопух.

Руцкой поздоровался с парнем и объяснил, что с ним говорит вице-президент России. Но лицо солдата отражало явное недоумение: он не знал, очевидно, ничего о появлении в его стране каких-то президентов и вице-президентов. На вопросы Руцкого о его имени и дате пленения прозвучал ответ:

- Меня зовут Назратулла. Прежнее имя – Николай Выродов. Попал к моджахедам летом 1982 года.

- В нашей стране произошли большие перемены, - разъяснял ему Руцкой. – Установлены новые демократические порядки. Объявлена амнистия всем совершившим проступки на войне в Афганистане. Можешь безбоязненно вернуться на родину вместе со мной. Хочешь?

- Нет, не хочу.

- Почему?

- Я теперь мусульманин и прижился здесь.

- Ты можешь повидаться дома с родными и возвратиться обратно сюда. Никто тебя у нас не задержит. Это я гарантирую.

- Не могу сейчас уехать. Тут скоро у меня будет свадьба.

Этот диалог доставил Хекматьяру нескрываемое удовольствие. Принадлежащий ему невольник говорил так, как ему приказали. Четыре года спустя Николай – Назратулла все же сумел приехать в родные края, будучи одиноким холостяком, чья свадьба у моджахедов оказалась его вынужденной ложью.

В Исламабаде по просьбе российского вице-президента Хекматьяр разрешил Выродову передать весточку родителям о том, что он жив. Записка, адресованная в Харьков, была опять про мнимую свадьбу:

«Ассалам Алейкум. Здравствуйте дорогие родители, папа и мама. Жив, здоров, чего и вам желаю. Вы можете приехать сюда на мою свадьбу. Или повидаться. Никто вам запрещать не будет. До свидания. Николай».

Взяв записку, я побеседовал с Выродовым, но не стал уговаривать его уехать к своей семье, ибо был уверен, что этого не допустит Хекматьяр. Помешать ему мог, однако, подсевший ко мне генерал Дуррани. Директор разведслужбы сказал:

- Передайте этому русскому, что я позволяю ему вернуться домой.

- Об этом, генерал, скажите ему сами.

- Не могу. Он говорит по-русски и на афганском языке пушту. А я владею английским, урду и афганским дари. Переведите ему мои слова и назовите мою генеральскую должность.

Так я и сделал, но Выродов не подчинился неизвестному ему пакистанцу в штатском костюме. Его непререкаемым хозяином был Хекматьяр. А тот стал вдруг утешать Руцкого:

- У меня есть кроме привезенного солдата еще несколько русских поблизости от моего штаба. Вы можете с ними поговорить. Кто-нибудь из них согласится, возможно, вернуться в Россию.

- Где ваш штаб? – заинтересовался Руцкой.

- Недалеко от Парачинара. Туда можно быстро долететь на геликоптере. Там уже был у меня ваш советник Андронов. Теперь приглашаю вас.

- Когда полетим?

- Да хоть завтра утром.

- Договорились. Я готов.

Руцкой и Хекматьяр пошли в зал переговоров с остальными вождями моджахедов. Сидя там рядом с Руцким, я размышлял о том, как ловко заманил его Хекматьяр в свою разбойничью берлогу. Зачем? Для того, вероятно, чтобы разрекламировать превосходство Хекматьяра над прочими лидерами «джихада». Или еще что-то задумал коварный интриган? Смелость и решительность Руцкого мне импонировали, но смутно беспокоила непредсказуемость выкрутасов Хекматьяра.

Тем временем ко мне подошел пакистанский дипломат и шепнул на ухо:

- Генерал Дуррани просит вас выйти немедленно в холл.

Дуррани ждал меня с генеральным секретарем пакистанского МИДа Акрамом Заки. Генерал сказал:

- Прошу вас срочно сообщить вице-президенту Руцкому и Хекматьяру, что мы отменяем несогласованный с нами их полет завтра на границу с Афганистаном.

- Какова причина вашего решения?

- В том районе мы не можем обеспечить безопасность Руцкого.

- В чем риск?

- Вице-президент может стать заложником Хекматьяра.

Вернувшись в зал заседаний, я пересказал тихо распоряжение Дуррани сперва Руцкому, затем Хекматьяру. Руцкой воспринял это спокойно. Хекматьяр побледнел от душившей его злобы. Он даже не поверил мне. Тогда я посоветовал ему выйти из зала и самому побеседовать с Дуррани.

Генерал поступил, по-моему, правильно.

К ночи моджахеды превратили переговоры с Руцким в нудное препирательство. Вице-президенту удалось лишь учредить с неподатливыми спорщиками международную комиссию по освобождению военнопленных. К ней запранировали подключить представителей ООН и республик экс-советской Средней Азии.

Но это было словесным строительством воздушных замков. Сквозь мираж просматривался отчетливый фактор: недовольная Руцким пакистанская военщина подсказала моджахедам спровадить его отсюда с пустыми руками.

На следующий день Руцкой заново общался с президентом моджахедов Моджадеди и устроил прощальную пресс-конференцию. Журналистов сбежалось много. Руцкой сдержанно прокомментировал задержку передачи ему советских военнопленных, пытался даже шутить с репортерами и неуязвимо улыбался.

Но под конец Руцкой сгоряча сорвался, когда ему задали вопрос о критике им президента Ельцина. Относительно расхождений с ним Руцкой саркастически произнес:

- Я не был по крайней мере секретарем обкома КПСС и не был членом Политбюро.

Да еще лягнул правительство Ельцина:

- Что касается правительства, то вы сами увидите, как оно закончит свое существование!

В зале пресс-конференции сидели дипломаты советского посольства. Оттуда в тот же день, несомненно, поступила в Москву шифрограмма с цитатами эскапад Руцкого против Ельцина. Случилось и впрямь небывалое: вице-президент, находясь за рубежом, публично дискредитировал президента и правительство своей страны.

После пресс-конференции возбужденный Руцкой, не скрывая более досады, решил сразу же улететь из Исламабада, сделав по пути в Москву остановку на один день в Кабуле. Однако он застрял в аэропорту, куда вслед за ним явился Моджадеди.

Президент моджахедов сообщил, что обещанный им Руцкому советский пленник будет доставлен вскоре прямо на аэродром к трапу российского лайнера. Ждать пришлось два часа. А затем на летное поле въехал автомобиль, из которого вышли трое соратников Моджадеди с чернявым парнишкой в афганском облачении. Его тут же отдали Руцкому.

Передача пленного происходила в спешке возле ТУ-154 с включенными турбинами. Моджадеди сказал Руцкому, что освобожденный солдат – туркмен по национальности, плохо знал с юных лет русский язык, а в плену совсем забыл. Теперь говорит только по-туркменски и немного на афганском дари.

Моджадеди имел биографическую справку о солдате и вручил ее Руцкому. А тот отдал, минуя меня, своему самому приближенному помощнику Андрею Федорову. Он же, не прочтя документа, спрятал его в портфель. Туркмена посадили торопливо в самолет. Через несколько минут мы взлетели.

В полете Руцкой уединился в своем салоне. А пятеро московских журналистов попытались познакомиться с новым пассажиром с помощью десятка афганских слов и языка жестов. Говорить по-туркменски никто в самолете не умел. Тем не менее выяснилось, что парня зовут Хабибуллой.

Больше ничего не могли долго добиться. Напоминали ему русские слова «советская армия» и «советский паспорт», но он непонимающе качал головой. Потом что-то сообразил при виде показанного ему паспорта и произнес к нашему изумлению: «Афганистан». Мы опешили! Кого же подсунули Руцкому в исламабадском аэропорту?

Слишком поздно я все же вынудил помощника вице-президента Федорова извлечь из его портфеля и показать мне документы, полученные от Моджадеди. Первый документ был письмом с просьбой освободить из кабульской тюрьмы Поли-Чархи 24-х афганцев, чьи имена перечислялись.

Второй документ с подписью Моджадеди повторял ту же просьбу и содержал биографические сведения о «военнопленном Хабибулле». Он был назван «уроженцем Республики Туркмения». А далее: «Он был направлен в Афганистан советскими вооруженными силами». И концовка: «Взят в плен в 1990 году».

- Теперь вы поняли что произошло? – обратился я к Федорову.

- А что требуется понять? – спросил он недоуменно.

- То, что туркмен попал в плен в 1990 году.

- Ну, и что?

- Да то, что в том году никаких наших войск в Афганистане уже не было. Они ушли полностью оттуда 15 февраля 1989 года. Если бы вы в

Исламабаде не припрятали писанину Моджадеди и дали бы мне там ее просмотреть, то мы не повезли бы в Москву афганского туркмена. Много его сородичей живет на севере Афганистана.

Перед посадкой в Кабуле вице-президенту доложили о том, как обманули его на прощанье моджахеды. Этого он им впоследствии не простил.

Вечером в Кабуле встретил Руцкого российский посол Пастухов и повез сходу на свидание с Наджибуллой в королевском дворце. Руцкой долго беседовал наедине с кабульским президентом. Их сплотила вновь старая военная дружба и горький проигрыш Руцкого моджахедам.

Пока Наджибулла и Руцкой толковали с глазу на глаз, я ждал конца их секретного разговора в библиотечном зале дворца, хотя до этого случая вице-президент не отстранял меня от его предыдущих переговоров. Но теперь так же поступили даже с другом Наджибуллы – послом Пастуховым. Конспирация была неслучайной. Боялись, очевидно, болтунов, которые недавно уже протрепались, как четыре месяца назад Наджибулла позвонил отсюда в Москву председателю КГБ Крючкову и поздравил его неосторожно 19 августа с «победой ГКЧП». Наджибулла и Руцкой опасались оба Ельцина.

Тайный результат интимной сходки так обрадовал Наджибуллу, что он устроил для всей компании Руцкого и московских дипломатов роскошное пиршество. И назначил на завтра новое чествование дорогого гостя.

Ночью разомлевший Руцкой, раздеваясь в спальне, вынужден был заняться со мной и двумя нашими дипломатами неотложным делом – решением дальнейшей судьбы подкидыша Хабибуллы. Его уже опросил говоривший по-туркменски сотрудник посольства. Хабибулла рассказал о своей крестьянской семье афганских туркмен, призыве его в кабульскую армию и пленении моджахедами. У них он был на положении раба.

Сегодня утром его привели к Моджадеди, а тот приказал ему присоединиться к гостям из России и подарил перед отъездом 200 долларов. Безропотный холоп привычно подчинился хозяину. Сейчас ему было безразлично, куда и зачем его привезли. Распросивший Хабибуллу дипломат подытожил:

- Он не догадывается даже о своем пребывании в Кабуле. И вообще ориентируется крайне плохо в окружающей обстановке. Он неграмотный. У него ограниченный кругозор. Увидев сторублевку с изображением Ленина, он назвал его Горбачевым.

Руцкой чертыхнулся. Было ясно, что злосчастного туркмена нельзя везти в Москву. Но как от него избавиться? Держать иностранца в нашем посольстве недопустимо. А если передать кабульским властям, то они наверняка сбагрят его их контрразведке и там могут запросто угробить.

Между тем западные радиостанции уже оповестили о том, что Руцкой увез из Пакистана советского военнопленного родом из Туркмени-

стана. И тем самым возложили на вице-президента России личную ответственность за благополучие подкинутого ему дуралея. Как же с ним поступить?

Руцкой и сотрудники посольства ухватились за мое предложение: утром я отправляюсь к знакомым мне швейцарцам в кабульской миссии Международного Красного Креста и попытаюсь уговорить их приютить Хабибуллу, а затем обеспечить его возвращение в родной кишлак Матам на севере Афганистана.

Все это я выполнил на следующий день. Тем временем Руцкой опять встречался с Наджибуллой и его министрами. Под вечер мы улетели в Москву.

Московская пресса встретила вице-президента градом насмешек над финалом его азиатского турне. Оно получилось, действительно, безуспешным. Руцкого подвела самоуверенность, торопливость и несдержанность там, где надлежало следовать известной поговорке: Восток – дело тонкое. Добиться уступок от моджахедов было легкомысленно надеяться лишь за один день в Тегеране и полтора дня полемики с ними в Исламабаде. Это я усвоил ранее на собственном опыте.

Торговаться по-восточному с афганцами Руцкой не смог по объективным причинам. Моджахеды уже достигли главной цели – прекратились поставки нашего оружия Кабулу. Еще больше отмежеваться от Наджибуллы был способен в Москве только сам Ельцин, а не его вице-президент. И лишь Ельцин обладал государственными полномочиями ответить на оружейную заявку Руцкому от пакистанских генералов, которым подчинялись моджахеды. Но вместо взаимодействия с Ельциным вице-президент бросил ему дерзкий вызов даже из пакистанской столицы.

Через десять дней после возвращения Руцкого в Москву мне показали в его секретариате документ с рукописной резолюцией Ельцина: «Ознакомить А.В.Руцкого». Это был адресованный первоначально Ельцину рапорт министра иностранных дел Андрея Козырева под названием «Об итогах рабочего визита А.В.Руцкого в Иран, Пакистан и Афганистан». Министр извещал президента:

«Считаю необходимым доложить, что в результате фактического отстранения МИД России от подготовки официальных документов и проведения визита А.В.Руцкого в ходе его был допущен ряд просчетов, которые нанесли определенный ущерб престижу России».

Моя причастность к поездке Руцкого побудила меня направить министру Козыреву депутатское письмо и напомнить ему, как он саботировал мои усилия согласовать с ним подготовку зарубежных переговоров вице-президента о наших военнопленных. Напомнил и о том, как сразу же после возвращения домой я тщетно пытался уговорить министра выслушать мою информацию о пребывании в Иране, Пакистане, Афганистане. Поклеп на Руцкого об «отстранении МИД России» я назвал «дезинформацией» и «вопиющей неправдой». Козырев никак мне не ответил.

Тем временем Ельцин отменил свое прежнее поручение Руцкому курировать пять правительственных комитетов. Вице-президент более ничем не управлял. Деятельного политика наказали изоляцией и бездельем.

В те дни у Руцкого на квартире метались беспокойно в клетке два попугая. Они были большие, ярко-зеленые. Их подарили ему пакистанцы в Исламабаде. Птицы почему-то неустанно дрались друг с другом. Попугаи передразнивали, казалось, самых важных птиц в Кремле.